

автор-составитель
Григорьев

Физ

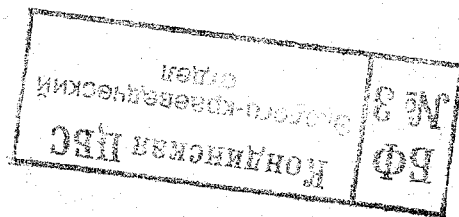
с/суб) 2
Т-22

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

ХРАМ МИЛОСЕРДИЯ

СТИХИ

- 21859-1.7

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1988

отдел

Художник Михаил ХУДАТОВ

Т 22 Тарханов А. С.
Храм милосердия: Стихи.— М.: Советский
писатель, 1988.— 128 с.
ISBN 5—265—00077—1

Андрей Тарханов — манси по национальности — пишет на русском языке.

Милосердие человека к человеку, человека к природе, бескорыстие в поступках и чувствах — вот лейтмотив творчества мансийского поэта.

4702010202—259
Т ————— 418—88
083(02)—88

ББК 84 Р7

© Издательство «Советский писатель», 1988

* * *

Гроза из дальних-дальних странствий
К моим вернулась берегам.
И я смятен.
Я очень странный,
Я верю небу и лесам.

Смотрю и грустно понимаю
И суету, и гнев людей.
В страданье верю.
Принимаю
Удары всех его мечей.

* * *

Уходит в ночь вечерняя заря.
Ко мне спешат от горизонта тени.
Зачем пришел на праздник жизни я
Печальным, словно этот день осенний?

Я с детства был во власти синевы,
И облаков, и перекатов грома.
Понять старался разговор травы
И лиственниц языческих у дома.

И понял: я душою от небес.
И этой верой, друг мой, в жизни грейся.
А как же мой кедровый синий лес,
Услышит ли тогда позывы сердца?

Порой кляню я свой клочок земли:
Пусти, сегодня надо быть мне в небе!
И слышу голос вспаханной земли:
— А там найдешь мою горбушку хлеба?

— Не знаю. Отпусти.
— Ну что ж, лети,
Мать по судьбе — от боли, от разлуки.—
И на прощанье я припал к груди:
Благослови на подвиг и на муки!

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Горбатый пенёк обрел свои черты.
Ручей из слез его
На свет родился.
Смеялся над уродом леса ты.
И я твоей жестокости стыдился.

СНЫ КАМНЯ

В священном кедровнике камень стоит —
В зеленых подтеках, угрюмый на вид.
И память ему подарили века,
Он помнит Кучума, отряд Ермака.
Он много чего рассказать бы нам смог,
Да сон его долог и очень глубок.
Природа дала ему странную роль:
Когда на Земле — и страдания, и боль,
Когда полыхают пожары войны, —
То видятся камню багровые сны.
Ой, редко случаются мирные дни!
Угрюмому камню приносят они
Счастливые светло-зеленые сны,
В них радость и песни людские слышны.
И камень светлеет, желанно дыша,
На миг просыпается в камне душа.
Но только на миг. Где-то снова война.
И душно опять от багрового сна.
Вселяются в трещины слезы и страх,
И камень, наверно, рассыплется в прах.

* * *

— Куда летишь стремительно, стрела?
— Мне не мешай, я цель свою нашла.

— Я полечу с тобою, суд верша,
Имеют крылья сердце и душа.

Но жертва кто? Об этом знать хочу.
— Не все ль равно, ты видишь — я лечу.

Чужды мне милосердные слова.
В полете я — и потому права.

* * *

Реки слов об охране Природы,
И об этом же — горы бумаг.
О Природе святые заботы
Мы меняем порой на пятак.
Топорами мы машем проворно,
Даже песню об этом поем.
Древо жизни качается скорбно:
Рубим сук, на котором живем.

ЗЛО

— Что такое зло?
— Черный кит.

Ответ ребенка

Оно, как все мы, дремлет, спит.
Оно со сплетнею летит.
Оно по-заячьи бежит.
Оно по-лисьи говорит.
И как шатун-медведь кричит.
И словно сытый волк молчит.
Нет, друг мой,
Зло не черный кит,—
Кит мирный в океане.
А зло, а зло — мы сами.

* * *

В бору кедровом сумрак синий
И голубая тишина.
В ручье таежном восемь лилий
И впереди еще одна.

Я думаю о том согласье,
Которое в бору живет.
Я думаю — как трудно счастье
Находит свой желанный брод.

А мир шумит вдали, как море,
А здесь спокоен каждый ствол.
Нет, мир жестокий,

я от горя,
Я с поля боя не ушел.

Я не из камня и железа,
И передышка мне нужна.
Вновь я набрался сил у леса,
Прощайте, бор и тишина.

* * *

Смеется над нами дитя.
Мы, взрослые, так не смеемся.
Нам надо взглянуть на себя
Глазами ребенка.
Вернемся
К своей изначальной черте —
К доверчивости и доброте.
Мы в этом клянемся, клянемся...
Потом над собою смеемся.

* * *

Уходи скорей, вражда,
От моих людей.
Стала богом доброта
В хижине моей.

А молва быстрей огня
Суть несет свою:
Будто всепрощенец я,
Будто всех люблю.

Так бывает по весне —
Счастья каждый ждет.
И на исповедь ко мне
Повалил народ.

Всё обиды и грехи,
Всё картины бед.
Стали грустными стихи,
И покоя нет.

Чтобы с жизнью помирить
Всех обиженных,
Сотни лет мне надо жить,
Лет возвышенных.

Дай, земля, на это сил,
Небо — высоты,
Чтоб я в сердце сохранил
Бога доброты.

* * *

Я помню, как ягоды рдели,
Я помню улыбку твою.
И птицы куда-то летели
В моем безымянном краю.

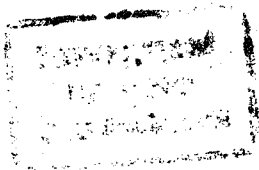
И в этом тревожном смятенье
Тайги и осенних небес
Отцовское есть опасенье
За нашу раскованность здесь.

А ты обнаженной березки,
Прекрасно твое естество!
И листьями цвета морошки
Меня осыпает всего.

Природа снимает запреты
Для светлых порывов души.
Ты — дочь благодатного лета,
И властью своей дорожи.

* * *

Вам, люди, доброту несу,
Я взял ее, как друг, в лесу
У кедров, у своих ручьев
И у задумчивых цветов.
Когда желна пила росу,
Жестокость встретил я в лесу.
Она мне стала говорить:
«Ты очень щедро хочешь жить.
Да можно ль осчастливить всех?!
Наивность это, вздор и смех!»
Глумясь, жестокость вдаль ушла.
Что скажешь ты, моя душа?
«А что мне больше говорить:
Хочу всем счастье подарить».

ФНЗ

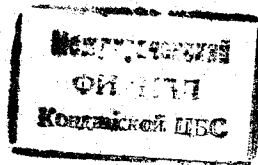
- 21859-1.

ПОЖАР РЯБИН...

За окнами певуче и багряно,
И стаи листьев к журавлям летят.
Пожар рябин волнует душу странно —
Невольно в небо поднимаешь взгляд.

Видать, живет в душе необъяснимо
Загадочная вера в небеса.
Лечу туда. Прощай, мой край родимый —
Кедрач, и Обь, и хрупкая лоза.

Моя планета — родина страданья.
Планеты новой я привечу лес...
Пожар рябин — извечный знак прощанья
Для тех, кто создан в жизни для небес.

ЯНКА¹

Янка, красавица Янка,
Как ты живешь, Расскажи?
Белые мхи спозаранку
Мне расстели, покажи.
Красную сетку тумана
Ты отвела от лица.
И, увидав тебя, Янка,
Заговорили леса.
Как в бубенцы, зазвенели,
Славя тебя, кулики.
Лоси из бора глядели
На шелковистые мхи.
Слух о тебе, моя Янка,
Добрый идет по лесам:
Лечишь ты уток-подранков,
Лечишь ты лося от ран.
Бор говорил, обессилев:
Янка, спаси, напои.
Щедро ему ты дарила
Чистые воды свои.
Белые мхи спозаранку
Стелешь ты мне от любви.
Янка, красавица Янка,
Долго на свете живи.

¹ Янка — молодое болото. По мифологии — это красавица-дочь старого болота.

* * *

Шлет импульсы тревожные свои
Мой брат с неведомой планеты.
И руки, руки тянутся мои
К нему во сне,
в его рассветы.

И утро.
Мой кедровник за окном,
В нем — тайна новая, я чувю.
И зов, и взгляд мой в небо обращен,
Я по тебе, мой брат, тоскую.
И я твой оклик чувствую порой,
И потому душе тревожно.
Нам очень нужно встретиться с тобой.
Спешу, мой брат,
пока не поздно.

* * *

Сколько клюквы войдет в туесок,
Столько духов в легендах живет.
Сколько хвои в морщинах дорог,
Столько песен сложил мой народ.
Песни падали в тяжкие дни,
Как подстреленные орлы.
Но заря разжигала костры,
Полыхали в полнеба они.
Им не гаснуть в метель и в грозу,
И подснежник восстанет весной.
Я возьму его сильной рукой,
Как подарок, тебе поднесу.
Песнь родится брусники алей,
И заката не будет у ней.

* * *

Манси — народ вечерний.

Поговорка

Манси народ вечерний,
К лесному привык он шуму.
Манси — народ вечерний,
О звездах думает думу.

Манси — народ вечерний,
На сказку, легенду скорый.
Любят манси деревья —
Любят свои соборы.

Снятся манси картины:
Зеленые капли леса,
Горы-дома, машины,
И всюду — песня железа.

ТРОПА ЯЗЫЧНИКА

Тропа язычника видна
Среди озер и мудрых кедров.
И молоком луны она,
Как детский сон, напоена.

Тропой язычника меня
Отец водил, как рысь, сторожко.
И целовала нас хвоя,
И был впервые счастлив я.

Дивился я друзьям отца:
Бобру — речному работяге,
Медведю — сторожу котца¹,
Глухарке, греющей птенца.

Я их в наследство получил,
Под стать князьям мое наследство:
Священная протока Ил,
Кедровник, где с отцом бродил.

Шли годы весен для страны.
Шли годы страшных испытаний.
Отец мой не пришел с войны,
Сгорел кедровник в час луны.

Но, будто в сказке, и трава
Тяжелый камень поднимает.

Тропа язычника едва
Видна,
Но ведь жива, жива
И смело силу набирает.

Она зовет меня. Иду.
В любви я был и есть язычник.
И лес веселый вновь со мной,
Мы с ним идем тропой одной.

¹ Котёц — ловушка для рыбы.

ДУМА ЗЛОГО ДУХА

Что задумался, Компóлен¹,
На болотной кочке?
Может, ты сегодня болен,
Простудился ночью?
Топнул дух ногой лосиной,
Кочки в топь осели.
Аж до стаи журавлиной
Брызги долетели.
«Думу думать не мешайте!
Но о чем я мыслю — знайте!
Праздник, праздник скоро будет,
Праздник мой желанный:
Ссорятся повсюду люди
И враждуют страны.
Ссорьтесь, ссорьтесь, вот потеха!
Коль умру — умру от смеха.
Жадность, зависть и наветы,
Воля вам — от века.
Где же, где же вы, поэты —
Судьи человека?!
Вот и стало мне вольготно.
Низменные страсти,
С вами я живу свободно,
С вами мое счастье».
Зло везде Компóлен сеет,
Жить иначе не умеет.

¹ Компóлен — злой болотный дух (манс.).

И когда с болот шипучих
Веет ветер лютый,
Копит дух свирепый тучи, —
Знайте это, люди.

УМЕРШИЕ ДЕРЕВНИ

(Из поэмы «На последнем берегу»)

В Семенов бор ведет дорога.
Но где же он?! — в груди тревога.

Стояли сосны тут стеною,
Я кроны в памяти храню.
Но словно здесь Мамай с ордою
Прошел и предал все огню.

Сосенок тридцать пять, не боле,
Да кучи сучьев и гнилья.
Нельзя смотреть на это поле
Без возмущения и боли.
Да где ж хозяин и судья?!

Дорога заросла травой,
Я в Карагаево¹ иду.
И память детства за собою —
Коня послушного — веду.

Деревня на бугре зеленом,
Песчаный берег и река.
А за деревнею, за полем, —
Леса, леса, а там — луга.

О щедрый край! Зверей и дичи
Полно под звездами хвой.

¹ Карагаево — мансийская деревня.

Но все равно мы будем нищи,
Коль нету в памяти любви.

Мне восемнадцать ровно было,
На пасху верба расцвела,
Обломки троп на льдинах плыли.
Ты на качели позвала.

И было робкое пожатье
Моей руки, твоей руки.
И нам вослед смотрели братья
Твои, —

так смотрят чужаки.

Ах вы, певучие качели!
Кружится сладко голова.
Вот мы на небо полетели,
И позабылись все слова.

Ах, надо с ветром обниматься
И синевы рукой касаться,
Чтоб ты раскаянья не знал!
Не страшно с неба опускаться,
Но страшно в небо подниматься,
Я это в детстве испытал.

И пусть глядят с прищуром братья.
Нам не о чем с тобой жалеть.
Твое березовое платье
С тебя хотело улететь.

Ты словно всю себя дарила
На высоте, на высоте.
Ты словно с небом говорила
О красоте, о красоте.

И, опьянев от неба, ветра,
Ушли мы тайно в храм лесной.
И у задумчивого кедра
Поцеловались мы с тобой...

Но рвется нить воспоминаний:
Места родные я узнал —
Обрыв,
 над ним старушка баня,
И берег, где я парус ждал.

Он появлялся на Тумане
С зарей, в оранжевом огне...
Будить мечты свои не стану,
Спешу в деревню по стерне.

Без окон избы, и крапива —
Она хозяйствует давно.
Стоят березки сиротливо,
Где было от лесов темно.

Отсюда плыть рекой желаю,
Как в старину, на обласке¹.
Увижу больше и узнаю.
А вон и Тап² недалеко.

У берега идол — обугленный раб.
Кого стережешь ты? Покинутый Тап?

И черные губы разжались, скрипя:
«Себя охраняю я, только себя.

Смешно в наше время кого-то беречь.
Не видишь войны ужасающий меч?!

¹ Обласок — лодка.

² Тап — мансийская деревня.

О глупые люди! — ни дня без войны.
Себя уничтожить вы скоро должны».

И губы сомкнулись. Истерзанный раб
Смотрел, как хозяин, на вымерший Тап.

С печальными тенями что говорить!
Живым полагается яростно жить.

Я в Тёрез¹ приехал. А Тёрез молчит.
В осоке баркас одинокий лежит.

И где следопыты! И где рыбаки?
О том не расскажут стрижи, кулики.

У Бёлого Яра² всегда хорошо.
Черемухи много, вольготно, свежо.

И глина обрыва белей молока.
«Ой, снегу-то!..» — крикнешь ты издалека.

И плавают селезни за тальником.
Чего бы не жить здесь?

Но пусто кругом.

Я в Рахтину³ ночью приехал. Кресты
Чернели при свете луны у воды.

Тут берег подмыло, тут водоворот.
Прощайте! И тихо плыву я вперед.

¹ Тёрез — мансийская деревня.

² Бёлый Яр — мансийская деревня.

³ Рахтина — мансийская деревня.

Заря запылала, открыв Панкутал¹.
Он пляскою бубна обычно встречал.

И прыгали маски, подарки неся,
Веселыми криками духам грозя.

И в ножнах нарядных качались ножи...
О Тóрум!² А ныне и здесь ни души.

Но что это? Кто-то на берег идет
И бубен, как хлеба буханку, несет.

Да это же дедушка Ивыр!
«Постой!» —
Кричит он и машет мне дряхлой рукой.

— Пáся óлын, áтя!³
— Пáся, пáся, пы́грись!⁴

Возьми этот бубен на память, сынок,
Храни как осколок мансийских дорог.

Мне нечего больше тебе пожелать,
Приехал я утром сюда умирать.

— Да где же мансийцы, мои земляки?!
— Ты их сосчитаешь на пальцах руки.

На Сосьву-реку поезжай-ка скорей,
И там повстречаешь ты наших людей.

¹ Панкута́л — мансийская деревня.

² Тóрум — верховный бог манси.

³ Здравствуй, отец! (манс.)

⁴ Здравствуй, здравствуй, сынок! (манс.)

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Звездный час. Небесный мир распахнут.
Он зовет меня к себе, зовет.
И лучи черемухою пахнут,
Значит, там черемуха цветет.

Улетаю от Земли угарной:
Сколько лжи, жестокости кругом!
И на оклик станции радарной
Не отвечу, не качну крылом.

Наша правда — горькая калина,
Эта горечь —

крик души живой.
И гасить огонь в родных борйнах¹
Я с планеты прилечу другой.

¹ Борйна — небольшой ягельный бор.

* * *

Всё в прошедшем
совершенно.

*Надпись на старинном замке
в Сигулде*

Уже утихли всех ученых споры —
Не могут вечно быть леса щедры.
В прошедшем совершенны были горы,
И реки, и сосновые боры.

Они дарили радость и блаженство.
У полноводных и прозрачных рек
Терял свою черту несовершенства —
Терял свою угрюмость человек.

Доспехи скинув, он самозабвенно
Глядел на горы, в небо, в синеву.
И сам себе казался совершенным,
И слезы, слезы падали в траву.

И столько в нем тогда смиренья было,
Что верилось Природе:
вот сейчас

Он меч отбросит —
этот символ силы,
Другая будет править миром власть.

Но снова войнами решал он споры,
Вздывая и мечи, и топоры.
В прошедшем совершенны были горы,
И реки, и сосновые боры.

ЗАВЕТ

Над ним — луны дрожащий парус,
На нем сова сидит, прозрев,—
Оброс зеленым мохом карус¹,
На пятки рыжие присев.
К нему дорога неизвестна.
Зарубки?

Тех деревьев нет.
Кругом болото —

злое место,
Не любит эту глушь рассвет.
Я все-таки сюда добрался,
Зов тайны страха посильней.
Сейчас, сейчас родится сказка,
И клад Югры найду я в ней.
Но что я вижу?

Лук еловый,
На тетиве лежит стрела.
Не зря, не зря на знак суровый
Меня тревога привела.
Стрела — посланник беспокойства,
Завет священный на пути:
Наследник,

равнодушья боясь,
Воителем добра иди.

¹ Карус — амбар, хранилище лесных припасов и кладов (манс.).

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛОСЬ

Под радугой сосновый бор
И первозданный, и ветвистый.
Пройдя таежный коридор,
Лось вышел к речке серебристой.
Минуты три тому назад
Здесь буря пела и гремела.
И был сохатый ливню рад,
И шел под молниями смело.
У водополя лось стоит
И белым кажется из бора,
Лось ослепительно блестит,
Сейчас он — зеркало простора.
Сохатый знает это сам.
Сквозит голубоватый ягель.
А по сияющим бочкам
Бегут на землю нити капель.

* * *

Да почему же он родился
таким несчастным: не волнует
Природа его!

Слова матери о сыне

Мы всеми в юности любимы.
Мать говорит, почти скорбя:
«Да почему же куст рябины,
Сынок, не радует тебя?!
Ты посмотри, как он пылает!
Огонь живет в его листах», —
И головою мать качает,
Печаль стоит в ее глазах.
Мать родилась у речки Евры
В канун крушенья тишины,
В тот самый горький, самый первый
И вероломный день войны.
Все ей досталось: и ночное,
И ледяной озноб воды,
Светило солнце снеговое,
И низко кланялись цветы.
А сын,

как в жизни говорится, —
На белых постряпушках рос.
Ему чужда в ночи зарница,
Страду не ведал в сенокос.
Учился он.

Но пели птицы.
Я про учебу не в упрек...

за это
Своя у жизни будет месть.

(По мотивам мансийских
героических песен)

37

Ты пил, не гнушаясь,
Настой из корней
На звонкую радость
Природе своей.
И ты поклонился
Тропинке-судьбе.
И Гром появился
На той же тропе».
«Я — Гром,
Я — хранитель
И воин Весны.
Лесную обитель
Сберечь мы должны.
Ты — сын мой,
Я смело
О том говорю,
И молнии стрелы
Тебе я дарю.
Стрелой громовую
Круши ты беду.
Тропинкой лесною
Иди в высоту...»

О Громе седая
Поведала ель.
Тропинка лесная —
Моя колыбель.

СВАДЕБНЫЕ КОНИ

Кони яркие,
Кони-черти,
Сбруя в бантах и лентах вся.
Я никак не могу поверить,
Что сегодня свадьба твоя.

Кони мчатся.
И я с дороги
Отступаю в глубокий снег.
Гармонист —

здоровяк высокий —
Рассыпает чагушки-смех.

В шаль нарядную,
В шаль-подарок
Ты потушила жаркий взгляд.
Кони шалые,
Кони яркие,
Кони свадебные летят.

* * *

В Ханты-Мансийске в кедр-
че есть Долина ручьев. Сейчас
там умирает последний ручей.

Ручей серебрист, как сорóга¹,
Как скрипка, он пел в тишине.
И виделась в небо дорога,
И кедры спешили ко мне.
Да было ли это? Возможно,
Приснился мне радостный сон?
Я снова в долине таежной,
Но слышу не музыку — стон.
Ручей умирает в долине,
А с ним умирают цветы.
Последняя птица покинет
Потухший предел красоты.

¹ Сорóга — рыба.

БЕРЕЗА И СТАРИК

Леониду Максимовичу Леонову

В два топора они ее рубили —
Старик и сын, плечистый, молодой.
И кольца годовые уходили,
Чтоб позабыть навеки возраст свой.
И на вершине звезды затухали,
А может, уносились ввысь они.
И опустил топор старик устало,
На сына глянул: «Малость отдохни!...»
Они присели, жаркие, хмельные,
На шелковистый, ласковый бугор.
И в тишине, как пятаки литые,
Упали с веток капли на топор.
И борода качнулась беспокойно,
И словно что-то опалило грудь.
И вот старик, восходом озаренный,
Поднялся, чтоб на дерево взглянуть.
Закинув руку левую за спину,
К глазам он руку правую поднес
И, словно чудо, увидал вершину
В сиянье улыбающихся звезд.
Глядел еще бы, да глаза слезились,
Спина заныла — и вздохнул старик.
В душе его сегодня поселились
И бездна неба, и березы лик.
И взял он непослушными руками
Топор тяжелый, что-то прошептав,
И снова опустил: перед глазами
Стоит береза, небеса обняв.

— Устал, отец? — услышал голос сына.
Потом услышал стуки топора.
Подумал: «Сын... такой красивый, сильный...
А мне, наверно, помирать пора».
И гром по лесу — рухнула береза.
И вздрогнул, и нахмурился старик.
Шагнул с бугра.
В глазах стояли слезы,
И все качался тот зеленый лик.

ЗАБЫТЫЙ ИДОЛ

Забытый — он злится снегами
И хмурыми плачет дождями.
Веселые люди утрами
Приходят сюда за грибами.

Смеются над идолом: «Жалкий,
Тебе не мехов надо — палки!»
Не видят беспечные люди
Глаза его злые до жути.

Обугленный солнцем, ветрами,
Он красными смотрит глазами.
В нем прежняя хватка осталась:
Ему незнакома усталость,
Ему незнакома и жалость.
Беспечные люди, над вами
Он, идол, смеется ночами.

* * *

Сиреневое облако осин
Внизу проплыло.

Журавлиный клин
Летит над плесами речных излук.
Метелками пырея машет луг,
Поет, зовет озерная вода:
Я помню вас! Эй, журавли, сюда!

Я слышу голоса и птиц, и трав
И думаю: как человек не прав,
Себя в Природе божеством назвав.

К НЕВЕ

Сегодня ты — как дикий зверь,
Но укрощенный, усмиранный.
И я стою, в тебя влюбленный,
Я тоже милостив теперь.
Мы гнев оставим про запас.
Он пригодится нам с тобою,
Когда нас призовут к покою:
Оставьте честный свой рассказ!
И мы тогда покажем нрав,
Как дети верные Природы.
Вздымай, Нева, повыше воды!
Ведь кто сильнее —

тот вроде прав.

Мы против этого — навек!
И потому с тобой бунтуем,
От правоты своей ликуем,
От правоты лесов и рек.

Начесы мха голубоваты
На ветках кедров над водой.
И зелены у кедров латы,
И каждый —
 с белой бородой.
Сойдем, мой друг, на берег хвойный,
Ходить здесь можно босиком.
Да будет день,
 любви достойный
И светлой памяти о нем.
Мы вышли.

На песке бударка¹,
Смолистый воздух свеж и пьян.
От жизни ты ждала подарка,—
Бери же, он Природой дан.
И сразу чувства — будто птицы,
Что жили в клетке двадцать лет.
Они ликуют, эти птицы,
И в клетку им возврата нет.

¹ Б у д а р к а — лодка.

ТАЙНА СКОРБИ

Доброй памяти Иванова А. И.

Дрожит осина в полдень знойный.
Неужто полдень ей не мил?
И вдруг поймешь, ошеломленный,—
Как хрупок, беззащитен мир!

Когда невольно оглядишься,
Понятна дрожь листов твоих:
Ты за людей, сестра, боишься,
За глупость и браваду их.

Я в сентябре хожу влюбленный.
Вдруг сердце крикнет: оглянись!
Парит оранжево-каленный
Костер, —
парит огромный лист.

Ты — факел, красное свеченье,
Твой пепел будет в небесах.
Да это же самосожженье! —
Горят твои и скорбь, и страх.

ЮЧА

Юча — девушка из сказки,
Дочка снежной Тэли¹.
Но глаза у Ючи милой
Цвета майской ели.

Как идет она проворно
Вся от снежной воли.
Две косы играют, словно
Горностаи в поле.

И метели утихают,
Тают в небе тучи.
Будто радуга сияет
Взгляд прекрасной Ючи.

Доброта ее известна
Каждой птице, зверю.
Вы на стук веселой Ючи
Распахните двери.

Много в мире зла и козней.
К счастью, с колыбели
Нас от них оберегает
Юча — дочка Тэли.

¹ Тэли — зима (манс.).

* * *

Гром машин стоит окрест.
Крикнуть хочется: довольно!
Так стараются упорно
Погубить сибирский лес.

Люто валят, рубят лес,
Не жалеют даже кедры.
И хозяйничают ветры,
Одиноко, пусто здесь.

Воронье кричит кружа,
Огневые краски тухнут.
И тревожится душа:
Небеса, наверно, рухнут.

КАПИЩЕ¹

Усталой лиственницы тени
Ведут потешный хоровод.
И ветер в полый рог оленя,
В зеленый рог трубит-поет.

Цветные тряпки, бусы, серьги
На каждом звякают суку.
Познавшие коварство деньги
Навеки отданы песку.

Напоминает поле брани
Святое место.

Кто сочтет
Останки вечно скорбной дани.
Тому, кто в небесах живет?

Мне душно.
Смой, ручей безвестный,
С моих сапог, с моих штанов
Пыль унижений, рабской лести —
Живую пыль былых веков!

¹ Капище — святое место. Место жертвоприношений богам и духам.

ОГРАДА

Какая ограда! — колючка, столбы —
Опора железная хмурой судьбы.
И, ростом с теленка, молчит волкодав,
Он смотрит магнитно, он словно удав.
В ограде Антон Переклáдин живет.
Он книг не читает,

он их только рвет.
Он свой телевизор в щепу превратил:
«Отец мой без энтовой громкости жил!»
Ушли от Антона жена и дитя.
Он знает ограду, собаку, себя.
Он, сторож конторы, пример подает:
Он не прекословит, не курит, не пьет.
В конторе с почтеньем о нем говорят:
«Такой бы сегодня к нам шел молодняк!
Ну, что здесь такого, что свой особняк?
Что книг не читает? Он просто чужак.
Смущает нас только вот эта ограда.
А может, она нелюдиму — отрада?»
Я с этой конторкою спорить не стану,
Иначе себя уважать перестану.
Идет Переклáдин с собакой домой
От мира —

в мирок свой запретный, немой.

* * *

Растаяли в душе заботы,
Как льдины в майскую грозу.
Дышу я воздухом свободы
В сосновом ласковом лесу.

А позади буран вокзалов,
Тугие ветры поездов.
Мне в этой жизни не хватало
Вот этих веток и стволов.

Душа черствела и скудела,
Я от борьбы с собой устал.
И голос искренний и смелый
Тайги

меня к себе позвал.

И вот он, вот он, миг блаженства!
Берет меня в объятья лес.
И в душу капли совершенства
Струятся с веток и с небес.

* * *

Не верю в стих,
где нет дыханья

Грозы
и нету естества.

В таком стихе для назиданья
Стоят трескучие слова.
Живи, возвышенная Лира! —
Слова от солнца и дождя.
Ты, Красота,—

спасенье мира,
Я верю, Красота, в тебя.

ВЕЧЕРНИЙ БАЛАТОН

Колоколов вечерний бой,
Земля и небо в перезвонах.
И цвета ели голубой
Живые воды Балатона.

Нас в небеса сейчас зовет
И музыка, и тучек ярус.
И кажется, что не плывет,
А ввысь летит далекий парус.

И не скрывает в этот миг
Душа восторженного стона.
Задумчив Балатона лик.
Земля и небо в перезвонах.

ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

От зноя бор сосновый порыжел,
Свалила волка прыткого
Дремота.

И даже гриб под елочкой вспотел —
На красной шляпке семь крупинок пота.
И коршун в небе как прибит гвоздем —
Лучом всеусыпляющего зноя.
Не справиться ему лишь с муравьем:
И в зной не знает муравей покоя.

В ХОРТОБАДСКОЙ СТЕПИ

В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...
Мчатся кони. Гудит от копыт вышина.
Неужели в степи запылала война?
Эй, потомки гусаров, потомки князей,
Вы седлайте скорее отважных коней!
Пусть узнают враги гнев и силу мадьяр...
Наши думы ярки, как заката пожар.
Смотрим в дали, как в очи любимых своих.
Ой, как много веков там осталось лихих!
Мы скакали к тебе, Хортобадь, сквозь бой,
Потому и так дороги дали твои.
В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...

В ХУЛОРЕ¹

Грусть живет на озере Хулора —
Ягельного тихого простора.
На кривых ногах стоят амбары.
Отпылали в их глазах пожары
Утренника яркого, живого.
Я стою у домика слепого.
Каменно глядят с крылечка маски,
Грозные в часы медвежьей пляски.
Всё здесь от минувшего, от сказки.
И бабуся, древняя как небо,
Вышла — словно поднялась из склепа.
Если бы не посох,
то устало
Бабушка к земле, как лист,
припала.
Солнце к кромке леса прислонилось,
Время словно бы остановилось.
Немо бабушка стоит седая,
И не шелохнется рать лесная.
Даже воды озера Хулора
Не ведут сегодня разговора.
Полоса заката отгорела,
Деревенька к предкам отлетела.

¹ Хулор — хантыйское селенье.

* * *

Под куполом ночного неба
Хоть раз, дружище, полежи.
Забудешь про истоки гнева,
Возьмешь у неба для души
Надежду — как свое спасенье
От суеты и от вражды.
Еще возьми себе терпенья, —
И зов звезды услышишь ты.

ПОРТРЕТ

Глаза его —
Как щель в копилке,
А в той копилке немота.
Когда и на какой развилке
С ним распростилась доброта?..

О ЖАДНОСТИ

Жадность в людях прорастает.
Может быть, она от века?
Жадность — это означает:
Три руки у человека.
Эта третья от напасти,
Эту руку не видать.
От нее исходят страсти —
Больше хапать, больше брать.
И живет в себе и с нами
Всех страшнее из калек, —
Перегруженный вещами
И фальшивыми словами
Троерукий человек,
Звезды неба, песни бора,
Жадность знать не хочет вас.
Троерукий — знак позора,
Пусть же он покинет нас!

* * *

Сколько светлых людей!
И опять же —
Сколько рядом рвачей, пустомель!
Видно, судно житейское наше
Село грузной кормою на мель.
Чтоб на судне не били тревогу,
Оркестранты, играйте-ка вальс!..
Мы в дороге, в дороге, в дороге,
И страшна остановка для нас.

* * *

Люблю я берегом идти
Тумана¹ или моря.
И чувство странное в груди —
Что нету в мире горя.
Что нет ни войн, ни лютых бед
У маленькой планеты.
И потому их только нет,
Что люди —

все поэты.

¹ Туман — озеро.

ХРАМ МИЛОСЕРДИЯ

Я удивляюсь облакам
У храма вознесенного...
Звон хрусталя явился к нам,
Стал слаще колокольного.

— Родная, ты куда бежишь,
Ты словно в час любви дрожишь?
— Хрусталь сегодня продают...

Да, продают хрусталь, и ты
В саду работу бросила.
Ты позабыла про цветы,
Униженные росами.

— А вы куда? —
И шепотом:
— За золотом, за золотом.—
Будто к святыне идут. Эх!..

У ювелирного стоит
Очередища длинная.
И вроде гордая на вид,
Но сколько в ней повинного!

— Бабуся, вам уже лет сто?
— Ну, что с того, ну, что с того!
Я тоже хочу золота...

А сколько светит звезд для нас!
Летит корабль космический.

А мы в пороках.
В нас подчас
Жив лик доисторический.

Спасите, люди! Гибнет сын!
В ответ какой-то гражданин:
— Своих забот хватает...

О равнодушие, ты — смерть,
Ты хуже зла поветрия!
Тебе вовек не быть, не петь
Во Храме милосердия.
Я тайны радости постиг.
Храм милосердия воздвиг.

На исповедь беря свой век,
Входи с надеждой, Человек!

* * *

Деревья зовут меня властно.
Но чем же обязан я им?!
Какие волненья и страсти
Познаю у них, нелюдим?

Но разумом, ставши печальным
Под этим багряным дождем,
Я вдруг ощутил себя равным
С хвоинкой, с листом, с журавлем.

И кружится вместе с листьями
Язычника детский вопрос:
Во-он тучи сшибаются лбами,
Но нету ни молний, ни гроз?

Какие же силы вселенной
Куда-то мой гром увели,
Скажи мне, осинник осенний,
Скажите вы мне, журавли?..

К МУЖЧИНАМ

Я этой просьбой огорчен:
Отвагу, время, дай мужчине!
Стал равнодушным нынче он,
Он с головой стоит повинной.

Убили, видно, смелость в нас
Вранье и вздорность бюрократов.
Стоим, не поднимая глаз,
А рядом бьет подонок брата.

Мужчины, выйдем за порог
С душою гордою и чистой!
И нас на равных встретят Блок,
И Лермонтов, и декабристы.

Пора нам бросить вызов свой
Всему и всем, кто нас порочит.
Есть искупленье, это — бой,
Он дело правое возносит.

* * *

Я бываю порою совсем одиноким,
Как изломанный парус на песке у Оби.
В этот час я прошу:
За тайгою далекой,
Мама, солнце к восходу скорей торопи.

Я сегодня разбит, как цветок подорожник,
По которому кони бездумно прошли.
Я сегодня расстрелян безверьем и ложью,
Нету всполоха радости в поле души.

Я зову тебя, мама.
Я вижу, как зори
Полыхают,

ко мне твое солнце идет.
Так бывает всегда —
В полдень жгучего горя
Человек свою маму на помощь зовет.

Нүми-Тóрыма¹ белая птица²
 Сыплет звезды пушистые — снег.
 И береза в окошко глядится,
 Ей к лицу горностаевый мех.
 Этим ликом разбуженный рано,
 Загрустивший по новым вестям,
 Распахну я оконную раму
 Снегу первому, солнцу, ветрам.
 В позабытом тревогами доме
 Принимаю как верных друзей
 Шепот — эхо уснувшего грома,
 Шорох снега и зябких ветвей.
 И опять открывать буду страны
 Вечных кладов земли по лесам.
 Счастье — это, наверное, тайны,
 Что в судьбе открываются нам.

¹ Нүми-Тóрым — верховный бог манси.

² Белая птица — лебедь.

Н. Трофимовой

На беды
 Жалуюсь земле дождями,
 Прибоем океанов, бурных рек.
 А недругам
 Ответствую стихами —
 В те дни кружится
 над тайгою снег.

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ

Каждый день я хожу на Казанский вокзал.
Он шумит, словно в бурю разгневанный вал.
Тыщи судеб! Коснуться бы каждой плеча,
О страданиях, о радостях миру крича.

Этот дядя все ищет, где жизнь сахарин.
Эта бабка торопится на Сахалин.
Ой, Казанский вокзал! Ой, Казанский вокзал!
Ты надежд, и любви, и отчаянья вал.

Вот веселый грузин. Вот печальный эвен.
Рядом в карты гадает цыганка Кармен.
Плачут дети, и ругань, и смех, и галдеж.
Только через вокзалы Россию поймешь.

Всё куда-то мы едем, спешим и спешим,
От Карпат к океану, обратно — в Ишим.
И головушку склоним в безымянном краю.
Что мы ищем?

И правду, и веру свою.

ЖАЛОСТЬ

Струятся капли по ветвям,
У лога плачет верба.
И кто сказал, что жалость нам
Дана лишь для ущерба?!
Глядите: вон сидит в тиши
Отец, убитый горем.
Но есть же слово для души
Целебное, как море.
И я найду, и ты найдешь
Целебное то слово...
И улетает в небо ложь,
Как дым костра лесного.
Жалею всех я: и птенца,
И тучи над собою,
Жалею даже подлеца
С понурой головою.
Не верьте сплетням и молве,
Что жалость — это слабость.
Ведь с жалостью всегда в родстве
Любовь, и гнев, и радость.

В ОКТЯБРЕ

Он распутан —
Клубок нашей жизни осенней,
Во-он последние нити моих журавлей.
Но остался твой голос —
Твое огорченье —
Металлический шелест листвы тополей.

ХОЛОСТЯКИ

(Шутка)

Холостяки, холостяки,
Вы от комфорта далеки,
Вы на подъем всегда легки,
Вы сами словно рюкзаки.

У вас суждения свои,
Бойтесь вы пока семьи,
Бойтесь волю потерять.
Семейным трудно вас понять.

Холостяки, холостяки,
Вы беззаботны, как мальки
Июльской ласковой реки.
Мне поучать вас не с руки.

Но вдохновенно, словно бог,
Зову я вас в страну тревог.
И ставьте, ставьте паруса —
Торопят девицы глаза.

Я — на семейном берегу
И славу мужа берегу.
Познать скорей спешите мир,
Женитесь рано, как Шекспир.

О ЖЕНЩИНЕ

Природа женщине дала
На гордость вечные права.
Потом как друга обняла,
Сказала тайные слова.
О, надо б видеть женский лик
В тот удивительнейший миг!
Стояла — вся вниманье, слух.
И вдруг огонь сверкнул в глазах.
Пошла — хранитель наших мук —
С улыбкой странной на губах.

Я отдаю ей сердце, руку.
Она качает головой.
Какую о любви науку
Таишь ты, милый недруг мой?!
Не буду больше о коварстве
Я говорить. Да и к чему?
Ведь я в твоей сегодня власти,
Поверив слову одному.

К ДРУЗЬЯМ

Я искренность оставлю вам,
Когда уйду в цветы и травы.
И вы — наследники по праву,
О том скажу я небесам.

Что ж, не забудьте в день Весны
Прийти ко мне,

сказать мне: «Здравствуй!..»

И я тогда поверю в счастье
Среди безмолвной тишины.

* * *

У железных людей —
И железное сердце.
Это, мол, от идей.
Этой сказке не верьте.

Воля — да. Может, ей
Быть дано из железа.
А душа у людей —
От небес
и от леса.

РАННИЙ СНЕГ

На ветви горящих осин
Он выпал неожиданно. Потеха!
Багряные кисти рябин
Пылают под шапками снега.

И радуга — крашеный лук.
И нить тетивы засверкала.
У белки в глазенках испуг,
Бедняга в дупло убежала.

Все ярко, свежо. Все не так.
И морщится кто-то, и стонет...
Придет гениальный чудак
И будет, конечно, не понят.

* * *

Я жил тобой, звезда восхода,
Я так тобою дорожил!
Когда печаль, когда забота,
Я взгляда твоего молил.
И ты всходила — луч далекий —
Над синим кедром, надо мной.
Я верил в радости дороги,
Я жил вселенной, жил тобой.
Язычник я — седой и грешный,
Опять у розовых небес
Прошу тебя: мой друг нездешний,
Утешь меня, утешь мой лес.
Взмахнула ты крылами лета,
Летишь ко мне, мой верный друг.
Но ярким заревом рассвета
Все небо осветилось вдруг.
Сгорела ты, песчинка неба,
А я зову тебя, зову.
Темно в глазах. Я слепну, слепну,
Я горько падаю в траву.

* * *

Тревожно птичий мир летел,
Глаза кричали: вьюга, вьюга.
Вдруг белый стерх¹ на крышу сел,
Не долететь ему до юга.

Он в небо жалобно кричал,
Взлетал, взлетал,
но вновь садился.
Когда со стаей он простился,
Он крыльями мне помахал
И, мертвый, на руки упал.

¹ Стерх — белый журавль.

* * *

Моросят небеса надо мною,
Осыпает листвою меня.
Только вижу себя я весною
На пороге воскресного дня.

Убежала босая девчонка
На сияющий берег реки.
И не заводь, а стан ее тонкий
Посылает за мною круги.

И зовут за реку, за дорогу,
Где цветет прошлогодний покос,
Эти белые стройные ноги
И дыханье распущенных кос.

Я бегу... Нет, стою под дождями,
Как мираж, ты на том берегу.
Не река, это время меж нами,
Время я одолеть не смогу.

* * *

Улетают скворцы из деревни
За причалы шумливых портов.
А мальчишки зовут их в скворешни
И под флаги бумажных судов.

И мальчишка далеко-далеко
Взглядом стаю свою проводил.
И, охвачен неясной тревогой,
Втайне парусник свой утопил.

Опадают, как листья, скворешни
На подушки мальчишеских снов.
Улетают скворцы из деревни
На большие дороги лесов.

ПАМЯТИ РЫБАКА
ЕФИМА МАМАРОВА

После тебя осиротели
Твои протоки и луга.
Куда-то стерхи улетели,
Черны от бревен берега...

Ты был хозяином надежным —
И благородным, и тревожным.

Берёг сора¹ от браконьеров,
От леспромхоза спас кедрач.
Ты в свой сыновний долг поверил,
Как верит в исцеленье врач.

Тебе бы жить, тобой гордились.
Но раны ратные открылись...

Придя к твоей могиле в мае,
Я поклонился и тебе,
И пролетавшей мимо стае,
И грустной птахе на кресте.

Мамарова погасли дни.
Но, память, имя сохрани.

¹ Сор — заливное озеро.

* * *

В логу всегда поет ручей,
В логу цветы благоухают.
Иди сюда, иди скорей,
Мои цветы тебя признают.

Они доверчиво тебе
Расскажут о моих страданиях...
Я невидимкой на тропе
За вашим прослежу свиданьем.

Когда оранжевый цветок
С губами спелыми сольется,
Моей любви горячий ток
Твоей души тогда коснется.

И буду счастлив, если ты
Задумаешься

и невольно
Мои притихшие цветы
Улыбкой озаришь влюбленной.

(Шутка)

ТОГДА ГОТОВ

88

И, как все,
Готовится к зиме.

Лунный ливень льется, льется
На покос, на лошадей.
И серебряно смеется
В лунном мареве пырей.

К стогу лунному устало
Прислонились ветры тут.
Лунным пухом сено стало,
Сны как ландыши цветут.

И всю ночь играют стражи —
В лунной речке муксуны¹.
В ночь такую мысли наши
Спят на крыльях тишины.

90

Снега, снега мои родные
И благодарный синий взгляд.
Эх, тройка!

Кони вороные
Дорогой мартовской летят.

Вернул из детства все, что мило,
В обмен на то, что не люблю.
Вражда и зависть... — мимо, мимо!
Мой век, беру любовь твою.

А ветер хвойный, ветер жгучий,
И губы милой горячи.
Ах, мир Земли!

Он самый лучший —
Мы звездам говорим в ночи.

ОТТЕПЕЛЬ

С лап еловых капли аромата
Падают на снег голубоватый.
Лес стоит взъерошенный, косматый,
Смотрит в дали неба виновато.

В небе льдины серебристо тают.
И глаза людей, как день, сияют,
Оттепель душою принимают,
Дружески друг друга обнимают.

Время — ближнего считать за брата.
И Природа нашим чувствам рада.
И бегут на снег голубоватый,
Будто слезы, капли аромата.

* * *

Загорелась звезда в изголовье.
«Ты мечтал о Венере?»

Вот — я!
Ты мечтал о Венере с любовью,
Так летим в голубые края!
Ты забудешь дороги ночные,
Ты забудешь слепящий буран
И березы осенне-нагие...
Ну, зачем это грустное нам?
И чего ты задумался, странный,
Обретешь и мечту, и дворец?!
Распрощайся с Землею туманной,
Ну, чего тебе даст этот лес?...»

Не забыть мне дороги ночные,
Не забыть мне слепящий буран,
И березы осенне-нагие,
И над парусом синий туман.

МАЙСКОЕ ПОЛОВОДЬЕ

Ивы тонконогие бредут.

Плакать бы —

не видно будет слез.

Облака зеленые плывут —

Кроны удивительных берез.

Разгулялась матушка-Природа,

У нее сейчас свои творцы.

Это буйство в сердце у народа,

А народ с Природой —

близнецы.

* * *

Здравствуй, лес — мой врачеватель,

Бескорыстный мой хранитель.

И сперва души ваятель,

А потом ее спаситель.

* * *

Тени мерцающе с веток упали,
Тени живут на снегу.
Эти искристо-зеленые шали
Мне бы поднять —
Не могу.
Я заведу разговор удивленный
С тенью косматых ветвей —
Кедром священным
В детстве крещенный
Сказочник и ворожей.
Ветка кедровая, линии, искры,
Чей-то испуганный взгляд.
Ваши, деревья, весенние мысли
Нынче во мне говорят.
Видите, люди:
Клокочут овраги,
Парус готовит Весна.
Здравствуйте, верба и чувство отваги!
К черту полутона!
Непониманье весеннего буйства
Тает в холодных умах.
Руку, любовь!
Вознесение чувства
В наших сердцах и глазах.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Есть чудо в каждом воскресенье:
Рожденье грома, смех дождей
И вербы дерзкое цветенье —
Ее заснеженных ветвей.

Когда апрельским утром синим
Цветы, как желтые шмели,
Свой долгожданный лик явили,
Явление чудом нарекли.

И стало вербным воскресенье
В честь вербы — вестницы Весны.
И люди плакали и пели,
Смятенья светлого полны.

И невдомек, что озареньем
Природа нас не обошла:
Дала восторг, и удивленье,
И... много суеты дала.

В той суете живем мы, словно
Стреноженный во поле конь.
А мир сияющий, огромный,
И вдаль зовет зари огонь.

Зовут нас солнце, звезды неба.
Их зов живет у нас в крови.
Так здравствуй, воскресенье вербы
И воскресение любви!

* * *

Ты стар, старик,
Тебе, наверно,
Лишь горе от житья?
— О нет, не надо, друг мой, смерти,
Ведь небо вижу я.

* * *

Неужели сегодня расстанемся
Мы с тобою, мой друг, навсегда?
Неужели душа —
Моя станция —
Вдаль отправила все поезда?..

ПОЛЕВАЯ МЕЖА

Полевая межа —
Это поля душа.

Полевая межа, ты любима,
Ты сегодня в июльском цвету.
И тебя в этой синей долине
Я душе для покоя найду.

Я оставил все распри далеко,
Я забыл про людскую вражду.
Удивительно быть одиноким
В полевом незнакомом саду.

Будто брат к голове прислонился,
Наклонился ко мне зверобой.
И душистый вьюнок, словно птица,
Говорит о меже полевой.

Праздник жизни!

Он перед глазами —
В каждой травке, в цветке и в душе.
Шар земной обнимая руками,
Я лежу на цветущей меже.

БЕЛЫЙ КЛЕВЕР

Белый клевер, белый клевер
Не поет, не говорит.
Завтра это поле Север
Холодами опалит.

В дали ветер невеселый
Улетел, и ты притих.
Ты дарил влюбленным поле,
Была ты нежностью для них.

Словно снег неожиданный, ранний,
Ты белеешь при луне.
И, качаясь, воздух пряный
Серебрится в вышине.

Завтра грянет дождь осенний.
И у тихого костра
В сердце вспыхнет сожаленье:
Белый клевер цвел вчера.

* * *

Стоязыкий, люди, я:
Знаю речь сосны, ручья.
Мне сказал вчера закат:
«Ты меня послушай, брат.
Ночь идет. Коварна ночь.
Дверь — на крюк! Доверье — прочь!
Волки воют. Зло не спит,
О жестоких расправах мнит.
Ночь — глазищи две луны,
Но черны они, черны.
А зрачки-то, а зрачки,
Будто бакены реки.
И корона... ввысь зовет,
Глянешь — шапка упадет.
Ну, меня уж клонит в сон.
Я спешу, тебе поклон».
И ушел закат. Стою.
Думу думаю свою.
Ночь таинственна, как сон.
Ночью лучший стих рожден.
Ночью трепетной лесной
Слышу голос: «Милый мой...»
Нет, я верю, ночь, тебе,
Ты не враг моей судьбе.

ПРИЗНАНИЕ

Я с вами, друзья, не играю в молву,
На улице Ленина ныне живу.
По воле Природы — не плут, не ханжа,
Распахнута грозам и людям душа.
На зов отзываюсь и спорю с бедой...
Когда ошибаюсь —

плачу сединой.

Не ангел,

а просто живой человек,

И в клетках моих —

наш взъерошенный век.

На сердце — зарубки от судеб людей.

И крутятся омуты песен и дней.

И в этой сумятице было порой

Нам легче с веселой ходить головой.

И пусто бывало.

Мне правда нужна!..

На улице Ленина нынче весна.

Да, в тысячный раз мы ушли от беды

Под знаком великой его правоты.

* * *

Дорогу вы свою нашли.
За тучей ветровую
На юг зовете, журавли.
Я остаюсь с тайгою.

Со мною ягель голубой
И рыжие тропинки.
И пахнет свежеею корой
И каждую хвоинкой.

А если гляну в небеса —
О звездах пожалею...
Мои леса как паруса,
Я с ними молодею.

ПАМЯТЬ

По всей России вечные огни,
И озаряют прошлое они.

Стоим мы у священного огня,
Стоим сурово на восходе дня.

Отцы и деды — вот они — идут,
Из Книги памяти такую речь ведут:

«Вы помните, родные, нас,
и мы
Знаменами страны осенены.

Не надо больше храмов на крови,
Живите ради правды и любви».

Горят огни. И в зареве огней
Горят пороки наших трудных дней.

* * *

*Посвящая
солдатам-сибирячкам*

Не вернулись в селенья охотники,
Не вернулись с войны рыбаки.
Вдовы молча надели болотники¹,
Все им, женщинам, стало с руки:
И рыбалка, и поиски соболя,
И ложился под ноги медведь.
Но красивому селезню-гоголю
Говорили: «Спеши улететь...»
Было много в сердцах материнского:
И тепла, и любви, и тоски.
Вы считали от берега финского
До Берлина героев шаги.
Время грозное с вашими ликами
Вспоминали и вспомним не раз.
Вы действительно были великими,
И остались великими в нас.

¹ Болотники — болотные сапоги.

* * *

В небе хмуром стоя
Встретила рассвет.
Одиночка-лебедь
Держит путь вослед.

Клюв раскрыт устало,
И печален крик.
А имел он в стае
Самый гордый лик.

Далеко-далёко
Лебединый клин.
Рос он в белой стае,
А теперь один.

Улетел от стаи
Он в тревожный час...
Падает он молча
В темный бор сейчас.

* * *

Я каждый день иду к заливу,
Мы в тайном заговоре с ним.
Мы копим бурю терпеливо
И это про себя таим.

Но грянет день мечты просторной,
Сметая накопъ темноты.
Проснется мир для животворной,
Для ураганной красоты.

* * *

Навес пахучий кедрача,
Осока над волной...
Не ведал в жизни дед врача,
Лечился тишиной,
Лечился травами полей,
Нетронутых лесов.
— Скажите, дедушка Тимпéй,
А сколько вам годков?
— Прости, я потерял им счет.
За сотню перешло...—
К реке он, кряжистый, идет,
В руке несет весло.
Коса пылает у плеча,
Спешит на сенокос.
Немыслим он без кедрача,
Без этих трав и рос.

* * *

В старину у манси бытовал обычай
показывать невесту священному
медведю. От его поведения мно-
гое зависело...

Нет шумней в селеньях вести,
Чем такая —

страх сказать:

Водят по лесу невесту,
Чтоб медведю показать.

Он у нас мудрец старинный —
С ним, подруга, не схитришь:
Или ты, Таись, невинна,
Или... грех не утаишь.

По тропе идет невеста,
Не боится — не одна.
Есть в тайге такое место,
Где коварна тишина.

А жених идет с надеждой,
И седой отец идет.
От орнаментов одежда —
Будто радуга цветет.

Глухо ойкнула невеста:
Поперек тропы — медведь
На дыбах стоит, ни с места.
Успевай, жених, смотреть.

Как брусника покраснела
Кареглазая Таись.
Покраснела, побледнела,
Вот, жених, и разберись:

Иль в грехе своем призналась
Ни жива и ни мертва?
Или вправду испугалась —
Дышит, бедная, едва?

А медведь ревет и скалит
Зубы желтые свои.
И свидетели сказали:
«Речи поняли твои.

Помасипа, помасипа! —
Ой, спасибо! Ой, спасибо!

Для Таись навек закрыта
Наша честная семья!»
У невесты от обиды
Слезы льются в три ручья.

Ты не плачь, не плачь, Таись,
Вновь медведю покажись.

* * *

На копнах сена звуки спят.
А сено так душисто!
На зорьке звуки говорят
О травах голосисто.

Пырей высок и серебрист,
Он пахнет жеребенком.
А жеребенок любит свист
Пронзительный и тонкий.

Бежит осокою шалун,
Осока у залива.
И словно сто гитарных струн
Волнуются игриво.

Бежит он в зарево зари,
И... нету жеребенка.
Вода горит, и луг горит,
И чайка в небе звонком.

И реактивный самолет —
Певучая комета —
Оставил луговине свет
Рябинового цвета.

Запели травы и цветы,
И... мчится жеребенок.
Он как спустился с высоты,
И весел как ребенок.

* * *

Пылает купол златоглавый...
Столица, я на время твой.
Здесь многие искали славы,
Ушли бесславно на покой.

В душе имея удивленье
К таежным далям и лесам,
Ценю свое прикосновенье
К священным плитам, к именам.

Столпотворенью нету края.
Но говорю я от любви:
Поклон тебе, река людская —
Тревоги, радости твои.

И коли я зовусь поэтом,
Я с вами, люди,
 в каждом дне.
Делюсь я искренним заветом:
Я вам — судья,
 вы — судьи мне.

* * *

Вспомним наш таежный вечер:
Серебристый дым луны,
И деревьев грозных вече
Стихнувшее.
Оба мы
В зыбкой мороси багряной
Света неба и ветвей.
Над поляною прощальной
Тают клики журавлей.
Час остался до заката
Наших чувств и наших встреч.
Слов не надо, слез не надо,
Надо нервы побережь.
Хоть горька, печальна шутка,
Правда словно солнышко.
Бойся зарева рассудка,
Улетай, мой скворушка,
До отцовского порога,
До начала троп моих...
Я один.
И слава богу:
Тесен мир стал для двоих.

Не жизнь, а песня под лучами
Твоей зари.
Но отчего
Вдруг стали сниться мне ночами
И зимник, и дымок его?..

ЯНВАРСКОЕ УТРО

В лапах кедра — золотая клетка,
В ней снегирь, причастный к красоте.
И сиреневый дымок, как ветка,
К изумрудной тянется звезде.

От зари пошло в леса волненье,
Алый снег посыпался с вершин.
Каждый жест в Природе — удивленье,
Каждый жест ее неповторим.

* * *

Много траура в праздничном черном костюме.
Вы простите за дерзость, и мать, и жена,
Но в весенних тонах щеголять стану ныне,
Чтоб со мною вовек не рассталась весна.

Ах, какой я упрямец! — мечтатель крылатый —
Верю искренне в завтра и верю в людей.
Сшей, портной, мне костюм для душевного лада,
Чтоб развеял я грусть этих милых полей.

Это праздник, коль в сердце есть чувство свободы!
Надеваю веселый шикарный костюм.
Но ведь нету гармоник, и нет хороводов,
Все равно я не буду отныне угрюм.

Просыпаются трудно деревни родные,
Эта плачет, а эта удаю глядит.
И летят мне вослед голоса ветровые:
Мол, костюм для тебя удивительный шит.

* * *

Хочу я положенной дани
От наших волнующих дней.
Не кончилось время восстаний
Души беспокойной моей.
Нашел я такую дорогу,
Где жаркие строки живут.
Отсюда по зову тревоги
Они в наступленье идут.
Шагают и грозно, и стройно,
Слова,

как солдаты, идут.
А в мире таком беспокойном
Огромные пушки ревут.
Не надо мне большей награды, —
Когда б на стальные стволы
Мои молодые солдаты
Надели навечно чехлы.

* * *

Ни уголька веселого костра!
Одни хвоинки поседелой ели.
Мы ищем улетевшее «вчера»,
Не веря,

 что мы сами поседели.
Все тот же бор, и росная тропа.
И будет прежним разговор, понятно...
Но подошла суровая судьба:
«Я ничего не отдаю обратно».

* * *

Прохлада вечернего лога,
Брусничкой усыпанный склон.
И в мир этот нынче, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет вот этих стволов,
Вот этой березовой арки,
Зовущей в объятья цветов.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет полей и дорог,
Моя черноглазая Матра
Не выйдет ко мне на порог.

Не будет, не будет, не будет
Ни ветки,

 лишь пепел и смерть...
Простите меня, мои люди,
И ты мне, березка, не верь.

Да разве такое возможно —
Исчезнут навеки леса,—
Пока мое сердце тревожно
И наши бунтуют сердца?!

Живите, деревья, у лога!
Цвети, мой оранжевый склон!
И в мир этот нынче, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

* * *

Сосновая роща далёко.

Туда бы! —

под крону сосны,

Где тихо еще, слава богу,

Где ягоды зреют Весны.

И голос до боли знакомый:

«Любимый, скорее спеши...»

Прощайте, турбинные громы!

Прощайте, сомненья Души!

Мои тут озера и реки,

Я края соснового сын.

И я остаюсь здесь навеки,

И лесом, и небом любим.

* * *

Небо искры огненные мечет,

Словно щука майскую икру.

Буря обволакивает вечер.

Сердце — будто парус на ветру,

Сердце — на ладони непогоды,

Слышен крик разбуженной струи...

Силы благодатные Природы,

Силы неизвестные Любви,

Это вы от молний уводили,

От буранов сберегли меня,

Чтобы люди добрые ходили

Греться у сердечного огня.

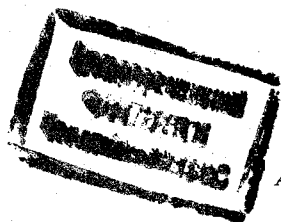
СОДЕРЖАНИЕ

«Гроза из дальних-дальних странствий...»	3
«Уходит в ночь вечерняя заря...»	4
Весенний этюд	5
Сны камня	6
«— Куда летишь стремительно, стрела?...»	7
«Реки слов об охране Природы...»	8
Зло	9
«В бору кедровом сумрак синий...»	10
«Смеется над нами дитя...»	11
«Дню грядущему, люди, поверьте...»	12
Красный лес	13
«Уходи скорей, вражда...»	14
«Я помню, как ягоды рдели...»	15
«Вам, люди, доброту несущий...»	16
Пожар рябин...	17
Янка	18
«Шлет импульсы тревожные свои...»	19
«Сколько клюквы...»	20
«Манси народ вечерний...»	21
Тропа язычника	22
Дума злого духа	24
Умершие деревни	26
Звездный час	31
«Уже утихли всех ученых споры...»	32
Завет	33
Зеркальный лось	34
«Мы всеми в юности любимы...»	35
Сын Грома	37
Свадебные кони	39
«Ручей серебрист, как сорога...»	40
Береза и старик	41
Забытый идол	43
«Сиреневое облако осин...»	44
К Неве	45
«Начесы мха голубоваты...»	46
Тайна скорби	47
Юча	48
«Гром машин стоит окрест...»	49
Капище	50
Ограда	51
«Растаяли в душе заботы...»	52
«Не верю в стих...»	53

Вечерний Балатон	54
Знойный день	55
В Хортобадской степи	56
В Хулоре	57
«Под куполом ночного неба...»	58
Портрет	59
О жадности	60
«Сколько светлых людей!..»	61
«Люблю я берегом идти...»	62
Храм милосердия	63
«Деревья зовут меня властно...»	65
К мужчинам	66
«Я бываю порою совсем одиноким...»	67
Зов	68
«На беды...»	69
Казанский вокзал	70
Жалость	71
В октябре	72
Холостяки	73
«Последние листья летят с тополей...»	74
«Улыбка ребенка во сне...»	75
О женщине	76
К друзьям	77
Ожиданье	78
«Поплакать надо над собой...»	79
«У железных людей...»	80
Ранний снег	81
«Я жил тобой, звезда восхода...»	82
«Тревожно птичий мир летел...»	83
«Моросят небеса надо мною...»	84
«Улетают скворцы из деревни...»	85
Памяти рыбака Ефима Мамарова	86
«В логу всегда поет ручей...»	87
Приключения сибирского комара	88
Лунная ночь	90
«Снега, снега мои родные...»	91
Оттепель	92
«Загорелась звезда в изголовье...»	93
Майское половодье	94
«Здравствуй, лес...»	95
«Тени мерцающе с неба упали...»	96
Вербное воскресенье	97
«Ты стар, старик...»	99
«Неужели сегодня расстанемся...»	100
Полевая межа	101

Белый клевер	102
«Стоязыкий, люди, я...»	103
Признание	104
«Дорогу вы свою нашли...»	105
Память	106
«Не вернулись в селенья охотники...»	107
«В небе хмуром стая...»	108
«Я каждый день иду к заливу...»	109
«Навес пахучий кедрача...»	110
«Нет шумней в селеньях вести...»	111
«На копнах сена звуки спят...»	113
«Пылает купол златоглавый...»	114
«Вспомни наш таежный вечер...»	115
Предчувствие	116
«Лес от мороза гулкий, синий...»	117
Январское утро	119
«Много траура...»	120
«Хочу я положенной дани...»	121
«Ни уголька веселого костра...»	122
«Прохлада вечернего лога...»	123
«Сосновая роща далеко...»	124
«Небо искры огненные мечет...»	125

- 21859-1

Андрей Семенович Тарханов

ХРАМ МИЛОСЕРДИЯ

Редактор А. И. Каныкин. Худож. редактор Д. С. Мухин.
Техн. редактор Н. Н. Талько. Корректор Т. Н. Гуляева

ИБ № 6555

Сдано в набор 30.03.88. Подписано к печати 23.06.88. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Балтика. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 3,18. Тираж 5000 экз. Заказ № 203. Цена 35 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

